

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЬЧИК ИЗ БУДУЩЕГО	5
ОТРОК	297
НОВИК	585

Пролог

— Мальчик, передай на билет, — услышал я за спиной грубый прокуренный женский голос.

Мельком обернувшись, я молча взял протянутую банкноту в пятьдесят рублей и, встав на цыпочки, дотянулся до кондуктора, пришлось протискивать руку между двумя слипшимися телами. Получив сдачу и билетик, я протянул это женщине, которая стала все тщательно подсчитывать.

Смысла в этом я особо не видел, пока я одной рукой передавал плату за проезд, то другой давно вытащил из ее кошелька сто рублей. Мог и больше, однако не стоит, бедная она. А деньги взял по той причине, что эта женщина уже три минуты тыкает меня мокрой рыбьей головой в область поясницы, испачкав футболку, да и мокро теперь там, пахнет. Неприятно. Так что будет компенсацией. Так-то в троллейбусах я не работаю, да и вообще на маршрутном транспорте стараюсь не мелькать, а то и вломить могут, что на чужой точке работаю и не башляю. Моя стихия — рынки или другие толкучки. Причем вот уже пять лет как работаю один, скрывая свой способ заработка. Сам я детдомовский, нужно же было как-то существовать, тем более интересов у меня множество, а возможностей нет. На рынке около нашего детдома я не тусуюсь, там две команды работают. Мало ли, увидят. И так сколько предложений в первое время получил влиться в команды, когда попал в детдом. Но я всегда был одиночкой, так и продолжал жить. «Зубрила» — так меня обзывали в детдоме. Это одно из самых ласковых прозвищ. «Наш вундеркинд» — так называли меня преподаватели и воспитатели. Я у них гордость, на все олимпиады и соревнования езжу. Вот такой вот я незаменимый человечек. На математическую олимпиаду кого пошлем? Конечно, Ларина. Соревнования по боксу среди юниоров? Естественно, Макса

Ларина, у него же первый разряд. В физике, химии, литературе или истории — я везде впереди.

Правда, среди детдомовцев уважением я все же пользуюсь. Дерусь очень хорошо, но не это главное. Наверное, не только в детдоме, но и во всей Москве нет более шкодливого ребенка, чем я. При айкью в сто пятьдесят единиц, тринадцатилетнем возрасте и ничем не примечательной внешности, разве что я был рыжим, я был самым хулиганистым из нашего детдома. Мои проделки начали обсуждать с семи лет, с тех пор, как у меня погибла мама и я оказался в детдоме. Кто мой отец, я не знаю и поныне, в свидетельстве о рождении был прочерк.

Что-то я отвлекся. О себе я могу рассказывать долго, и поверьте, вам будет и весело, и грустно. Сейчас же я возвращался с самого крупного рынка на окраине Москвы, сегодня хорошо подогрел одного растяпу на «Лексусе», в кармане пятнадцать штук деревянных, плюс триста евро. Теперь я смогу на неделю вперед оплатить услуги Жаклин. По уму я давно перерос своих сверстников, но как оказалось, и тело торопилось повзрослеть. Особо в смущении или неуверенности я замечен не был, так что решил сам поискать партнершу. Этот вид взаимоотношений мужчины и женщины интересовал меня с одиннадцати лет, так что я перелопатил горы литературы как в библиотеках, так и в интернете, и многое знал. После прочтения книги по акушерству могу сказать, что роды я теперь приму без проблем, память идеальная. Каждую букву на страницах помню или тот же рисунок. Ну а когда настало время, это случилось полгода назад, сразу решил окунуться в новые ощущения. Партнерша мне повстречалась в тот же день. Она была проституткой, но элитной, работающей на квартире, клиенты сами приезжали к ней. Я набрал гору рекламы на эту тему, позвонил по первому же номеру и наткнулся на Жаклин, или Женю, как значилось в паспорте. Та с малолеткой поначалу не хотела иметь дела, но из любопытства назначила встречу. Там уж я не оплошал. С тех пор я пропал. Все что ни «заработаю», я несу ей, потому что меня реально посадили на крючок. Я не наркоман, хотя и знаю, что это такое. Есть у нас кое-кто, кто колет, но, видно, у меня обошлось без уколов. Девчата в детдоме сказали, что, похоже, я влюбился. Отрицать не буду, хотя и пытался по привычке проанализировать, что такое эта любовь. После долгих анализов вывод был один — это просто болезнь, и ее надо лечить.

Лечиться я пока не хотел, меня все устраивало. В детдоме я вел себя, как прежде, ездил на соревнования, если такие случались, старался не привлекать к себе внимание. Забросил шкоды, а вот это-то и привлекло ко мне больше всего внимания. На шкоды у меня просто времени не хватало.

Покинув переполненный салон автобуса, проверив, на месте ли сегодняшняя выручка, я вприпрыжку побежал к Жаклин. У нее сегодня никого, я уже звонил, уточнял, так что сегодня она моя.

Так-то этим не совсем законным заработком я занялся с девяти лет. Намучившись от безденежья, решил начать именно с работы щипача. Как и все до этого, несмотря на то, что меня никто не учил, у меня все получалось идеально, ни разу не был схвачен за руку. Еще бы, я предварительно три месяца изучал работу таких вот щипачей, составлял графики, рисовал схемы, тренировался на манекенах, пока впервые не вышел в поле. В общем, стал вполне неплохим щипачом за эти четыре с половиной года. Теперь я мог использовать интернет, у меня был ноутбук, за которым я тщательно следил, заказывал разные реактивы, которых не было в школьной химлаборатории. В общем, тратил деньги на свое развитие и на мелкие радости. На одежду не тратил, я не был особо притязательным, а в детдоме нас кормили и одевали. Даже один раз помог нашей воспитательнице, втайне ото всех сунул ей пятьдесят тысяч рублей в сумочку. Мои накопления за полгода. У нее муж умер, у нас плотником работал. Хороший мужик. Деньги передал тайно, не афишировал, хотя Надежда Игоревна и пыталась вернуть деньги, но не нашла кому. По-моему, я единственный в нашей группе, кто не кричал, что деньги мои. После этого та что-то стала подозревать, задумчиво на меня поглядывала. Однако поминки справила хорошо, это главное. Я не особо жадный был, хотя хапать под себя любил, но это общая черта всех детдомовских. Все мы тут жуткие собственники.

Поднявшись на лифте на нужный этаж, я скользнул в открывшуюся после звонка дверь и был послан моей нимфой в душ. Быстро раздевшись, нырнул в ванную комнату, где встал под плотные струи горячей воды. Видимо, от шума воды я пропустил дверной звонок, потому как, выключив воду и растираясь, вздрогнул, когда вдруг дверь распахнулась, я ее не запираю, и ко мне ворвался здоровый бык в кожаной куртке. Тот, видимо, ожидал

увидеть здесь взрослого мужика, а обнаружил лишь испуганно сжавшегося от неожиданности мальчишку. Правда, среагировал он сразу. Ухватил меня за загривок и вышвырнул наружу, пинком придав ускорение в сторону зала. Кувыркнувшись через голову, я быстро обмотал торс полотенцем и отполз к Жаклин, она лежала в своем полупрозрачном пеньюаре, всхлипывая, у дивана, вытирая окровавленные губы. Они были разбиты.

— Еще раз спрашиваю, — хмуро сказал холеный мужчина в дорогом костюме, сидевший на стуле. Два его быка, закончив осмотр квартиры, встали рядом. — Где флешка? Она пропала сегодня днем после моего посещения твоей квартиры.

— Не знаю я ни про какую флешку, — простионала Жаклин.

— Она не хочет говорить, — повернулся неизвестный мужчина к одному из быков.

— Вам же русским языком сказали, что не видела она никакой флешки, — вскочив и перегородив дорогу быку, сказал я, выставив руки ладонями вперед.

Это не особо помогло, мало того, что по голове прилетело, отчего долго стоял звон, так мне еще по ребрам прошлись, когда я упал. Кажется, одно хрустнуло. Когда я перестал трясти головой, то замер. Бык щупал пульс у Жаклин, по ее остановившемуся взгляду я понял, что она мертва. Перестарались.

— Суки-и! — мой крик, наверное, слышало полдома.

Откуда взялись силы, уже не скажу. Схватив со столика длинную заколку Жаклин, я воткнул ее в глаз холеному и отлетел от удара второго быка.

— Избавься от него! — взвизгнул холеный, видимо, заколка до мозга не дошла или промахнулась, но глаз я повредил точно.

Я еще чувствовал, как меня подняли. Чувствовал, как по коже скользнул тюль, дуновение ветерка на балконе, а после — свободный полет. Семнадцатый этаж. Без шансов. Лишь одно огорчало, полотенце в комнате осталось, разобьюсь голышом. Я же умру от стыда. После этого наступила темнота.

* * *

— Смотри, веки дрогнули, сейчас глаза откроет, — услышал я совсем рядом звонкий мальчишеский голос. Судя по пыхтению, детворы рядом немало. Где я? Купидоны?

Не знаю, я как-то религией не интересовался, и из всех детей, кто входил в эту святую когорту, помнил только купидонов. Это такие перекормленные кудрявые розовые младенцы-нудисты, что с луком сеют радость. Хм, влюбляют, вроде, но при чем тут я? С Жаклин у меня была чисто платоническая дружба. Она учительница — я прилежный ученик, любовью там и не пахло, что бы ни говорили девчата из детдома. На секс я подсел, есть такое, но любовь? Так откуда эти детишки и жив ли я? Вроде под окнами Жаклин газон был, это что, я не умер, разбился и теперь на всю жизнь останусь инвалидом? Не хочу, лучше смерть.

Я бы так долго лежал, слушая гомон, но вдруг услышал уже другой голос. Вполне взрослый, мужской, с легкой хрипотцой.

— А ну, пионеры, в сторону. Евгенийев, что произошло?

— Не знаю, товарищ инструктор. Я на вышку поднялся, оттолкнулся, и когда сальто делал, этот парень мимо пролетел. Молча. Мне кажется, он был без сознания, руками не махал. О воду почти плашмя ударился. Выше меня только одна площадка была, взрослая, но я, когда поднимался, там никого не видел, спрятался, наверное. Я в воду следом вошел, выплыл, а он лицом вниз, видимо, от удара совсем сознание потерял. Наша группа в воду попрыгала, и мы его вытащили. Почему-то голого. Наверное, как Сашка три дня назад в воду прыгал и от удара о воду трусы потерял. Женька с Сашкой искали, но трусы парня не нашли. Он не дышал, я сделал искусственное дыхание, как вы учили. Вода из легких полилась, кашлял, но в сознание не приходил.

В это время я почувствовал, как меня ощупывают и приподнимают веко, и рассмотрел широкоплечего загорелого мускулистого мужика со свистком на длинной бечевке, болтающейся на шее. Ниже его не видел, весь он голый или нет. Пояснение неизвестного паренька, который, видимо, меня и спас, немного, совсем чуть-чуть прояснило обстановку. Почему-то я упал не на газон, а в бассейн или еще куда. Не знаю, где эти вышки стоят. Я полгода греблей занимался, а не прыжками в воду. Дальше проанализировать не успел, разговор продолжился, и я наострил уши, стараясь не показывать, что пришел в себя. А так я действительно плохо себя чувствовал, было тяжело дышать, живот, грудь и лицо буквально горели, похоже, ими я плашмя и ударился о воду. В общем,

боль в теле намекала, как мне сейчас нехорошо, но это ничто по сравнению с тем, что я снова владел своим телом и, главное, чувствовал ноги и руки. Даже незаметно пошевелил ими.

— В неотложку позвонили?

— Аня убежала звонить к телефону-автомату.

То, что мы находимся под открытым небом, мне было известно — когда веко поднимали, за спиной инструктора видел голубое небо с барашками облачков. Чуть в стороне стояло что-то массивное и деревянное, но я видел это нечто не полностью. Видимо, пресловутая вышка.

— Это хорошо. Сейчас давайте его приподнимем и перенесем на скамейку. Не стоит ему на краю причала лежать.

Я почувствовал, как меня приподняли несколько рук, с десяток точно, и после недолгого переноса положили на полукруглые валики скамейки. Вот на причале мне удобнее было лежать, там доски прямые, а эти прямо в тело впились полосками.

— Ой, у него полотенце сползло, — услышал я, как где-то неподалеку ойкнула девочка, и послышалось сразу несколько девичьих хихиканий на разные голоса.

Решив, что больше ничего узнать не удастся (инструктор послал одного из мальчишек за аптечкой), я решил очнуться, показать, что в сознании. Да и судя по ощущениям, кто-то вернул мне полотенце на место.

— Ой, смотрите, глаза открыл, — снова ойкнула та же девочка.

Инструктор сразу же стал меня осматривать и задавать вопросы.

— Ты можешь говорить?

Я на миг замер, широко открытыми глазами разглядывая плакат на вышке. До этого я его не видел. Там была нарисована молодая девица, прыгающая с вышки, и написан лозунг: *«Всесоюзная спартакиада студенчества»*.

Чуть ниже еще один на эту же тему. Читать про попаданцев я любил, любой из мальчишек, кто у нас знал эту тему, мечтал о переносе, я исключением не был. Неужели?..

— Так как? Ты меня понимаешь, можешь говорить?

Я перевел взгляд на инструктора, задержавшись на его плавках, никогда не видел такого древнего фасона, и сказал немного глубоким потусторонним голосом:

— Мир вам, земляне. Мы, жители Венеры, прибыли к вам на планету, неся предложение дружбы и сотрудничества. Наш звездолет был сбит американцами, и пришлось прыгать, — глядя на ошарашенные лица инструктора и мальчишек, девочек скрывала спинка скамейки, я не выдержал и заржал.

— М-да, удивил, — усмехнулся инструктор. — Ну, раз с чувством юмора у тебя все в порядке, значит, и разум не потерял. Это хорошо. Как на вышке оказался?

— На спор, — вздохнув, ответил я.

Пока я собирался свести общение к минимуму, пусть медики придут и заберут меня в больницу. Там уж, накачавшись информацией, можно спланировать, как жить дальше. Пока постараясь отвечать кратко, выдавая как можно меньше фактов.

— Как тебя зовут?

— Максим. Макс Ларин.

— Где твои родители?

— Отца я не знал никогда, мама умерла в начале этого лета. Я решил, что детдом не для меня, и поехал путешествовать. Море хочу увидеть, в Сочи ехал.

— Откуда ехал?

— Из Сибири, мы с мамой жили в небольшой деревне.

— Ехал в Сочи, а приехал в Москву?

— Хотел посмотреть, какая она, — снова вздохнул я. — Мне город понравился, две недели уже тут живу. С мальчишками познакомился, вроде, хорошие парни, а столкнули. Я прыгать не хотел, высоко.

Инструктор посмотрел на конопатого парнишку, стоявшего рядом, облокотившись руками о колени, но тот пожал плечами, выдуманных мной городских мальчишек он не видел.

— Плавки у тебя были?

— Трусы черные семейные были, — коротко ответил я.

Задать еще какой-либо вопрос инструктор не успел, три девочки, галдя, объясняя дорогу, привели врача. Это был мужчина в белом халате, с кожаным саквояжем, с бородкой и в круглых очках, на шее старинный фонендоскоп. М-да, я действительно был в прошлом, глаза меня не обманывали, но все равно мало информации, я даже не знаю, какой сейчас год.

Узнав в подробностях, что произошло, огорченно покачав головой, врач занялся мной, простукивал, проверял. Когда он

щупал бок, я даже закричал от боли, но дальше все прошло нормально.

— Что с ним? — с тревогой спросил инструктор.

— Похоже, ребро сломано. Когда вы его несли, он не стонал?

— Он без сознания был...

Пока инструктор и врач общались, я припомнил, что действительно, когда меня несли, была тянущая боль в боку. Но за это место меня не трогали, так что я как-то не обратил внимания. А врач именно на больное место нажал.

«Так-так-так, похоже, перенесся я вместе с переломом, которым меня наградил тот бык со скрученными по-боксерски ушами. Значит, и синяки должны выплыть как на теле, так и на лице. На лице точно есть, вон как врач его осматривал, да и бок в некоторых местах долго ощупывал и простукивал. Хм, интересная информация для размышления», — мысленно прикидывал я, но проанализировать новую информацию не успел, врач договорился о помощи на случай переноса. Меня забирали.

— Сам сможешь идти? — спросил врач.

— Пока не попробую, не скажу.

— Сейчас я тебе наложу тугую повязку на грудь, чтобы зафиксировать поврежденное ребро, потом и попробуем.

Пришлось, морщась, принять сидячее положение, приподняв руки, дожидаться, когда мне туго перебинтуют грудь. Это действо нисколько не мешало мне с интересом осматриваться, разглядывая парк, где мы находились. Были видны аккуратно подстриженные кусты. Везде чисто и прибрано, на каждом углу урны. Высокие плакаты на тему спорта. Все времен Советского Союза. Но какие-то наивные, что ли. Даже не определюсь сказать, какой сейчас год. По ним не поймешь. Рядом плескалась вода озера, именно озера, а не бассейна. С одной стороны огорожено, там были пирс и вышка. С другой — песчаный берег. Я лежал на скамейке той территории, где готовились к прыжкам или плаванию спортсмены. Дальше — высокие трибуны для зрителей. Сейчас пустые. Кроме семи парнишек в плавках и инструктора, было двенадцать девчат, они группкой стояли неподалеку, в закрытых однотипных купальниках и смешных шапочках. По тропинкам прогуливались отдыхающие, но в нашу сторону они не сворачивали.

Инструктор, пока меня перевязывали, а я осматривался, с вопросами не медлил, и пришлось отвечать. На первый вопрос, где моя одежда, я ответил, что на верхней площадке вышки. Двое мальчишек наперегонки сломя голову побежали к ней. Быстро вернувшись, отрицательно покачали головой, одежды, естественно, найдено не было. Когда с перевязкой было закончено, один из мальчишек принес мне шорты, похожие, свои собственные.

— Бери, у меня в сумке другие есть, запасные, — требовательно сунул их он, когда я попытался отнекиваться.

Врач помог их надеть, а то мне неудобно было. Сами шорты были слегка тесноваты, все же их хозяин младше меня на пару лет, но налезли, а это главное. Они были немного стремные, темно-синие с одним карманом спереди. Страшноватые. Но дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят.

Попытавшись встать, я тут же плюхнулся обратно, застонав от боли в боку. Врач подхватить меня не успел, я попытался встать для него неожиданно.

— Ну как же ты так, голубчик? — возмущался тот. — Голова кружится?

— Да, сразу вбок повело. Видимо, сотрясение.

Все же нести меня не пришлось, переждав головокружение, я с помощью врача встал, и мы с ним немного прошли до следующей скамейки.

— Ну что ж, думаю, дойдем до машины, — резюмировал тот и, подхватив свой саквояж, стал ожидать, пока я попрощаюсь с ребятами и девочками.

Скотиной я не был такой, что добро забывает, все же спасли меня. Так что сердечно попрощался со всеми из молодежной школьной группы по прыжкам в воду. Все же я не выдержал и поинтересовался, почему на плакате про студентов, а они школьники. Выяснилось, студенты тренируются вечерами, после обеда, а сейчас одиннадцать дня, время школьных команд. Развеели мое недоумение.

Однако нас без сопровождения не отпустили. Инструктор строго-настрого велел детям не лезть в воду, подхватил меня на руки и понес к выходу из парка, а врач заспешил следом. Пока меня несли, я с интересом рассматривал фасоны одежды прогуливающихся отдыхающих, дивясь. Изучал, в чем дети бегали,